

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2025, Том 16, № 3 / 2025, Vol. 16, Iss. 3 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2025.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK325.pdf>

DOI: 10.15862/20FLSK325 (<https://doi.org/10.15862/20FLSK325>)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Головацкая, Т. П. Чукотская заимствованная лексика в эскимосском языке: источники, механизмы и последствия / Т. П. Головацкая // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2025. — Т. 16. — № 3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK325.pdf>. DOI: 10.15862/20FLSK325.

For citation:

Golovatskaya T.P. Chukchi loanwords in the Eskimo language: sources, mechanisms and consequences. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2025;16(3): 20FLSK325. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK325.pdf>. DOI: 10.15862/20FLSK325. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 811.55; 811.56

Головацкая Таисья Павловна

ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»,
Санкт-Петербург, Россия

Доцент кафедры «Палеоазиатских языков, фольклора и литературы»

Кандидат филологических наук

E-mail: goltaya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8183-1671>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=626205

Чукотская заимствованная лексика в эскимосском языке: источники, механизмы и последствия

Аннотация. Статья содержит анализ чукотских заимствований в язык азиатских эскимосов. Явление интерференции, понимаемое как процесс взаимовлияния языков в условиях контактирования, представляет особый интерес при изучении палеоазиатских языков. Эти языки, объединяемые скорее по географическому, чем по генетическому принципу, развивались в условиях интенсивного межъязыкового взаимодействия на протяжении многих столетий. К данной группе относятся чукотско-камчатские языки (чукотский, корякский, керекский, ительменский), эскимосско-алеутские языки (эскимосский, алеутский), нивхский язык, юкагирские языки, а также айнский язык в его историческом ареале распространения.

В процессе языковых контактов наблюдаются различные типы интерференции, которые можно классифицировать по следующим направлениям: фонетическая интерференция, которая проявляется в адаптации звуковых систем контактирующих языков; лексическая интерференция является наиболее заметным следствием языковых контактов; грамматическая интерференция.

В работе рассмотрена лексическая интерференция чукотско-эскимосских языковых контактов, а также источники и кратная хронология заимствований, перечислены некоторые тематические группы, описаны особенности фонетической и морфологической адаптации, отражены методологические проблемы исследования и представлены перспективы дальнейших исследований.

Изучение лексических заимствований в эскимосском и чукотском языках представляет значительный интерес как для теоретической лингвистики, так и для ареальных исследований. Анализ различных типов языкового влияния позволяет реконструировать историю

межэтнических контактов на территории Чукотского полуострова и выявить универсальные механизмы языкового взаимодействия. Перспективным направлением исследований является комплексное изучение интерференционных процессов с учетом как лингвистических, так и социокультурных факторов.

Ключевые слова: языковые контакты; интерференция; лексические заимствования; палеоазиатские языки; чукотский язык; эскимосский язык

Лингвистическая ситуация на Чукотском полуострове характеризуется сложными процессами лексического взаимодействия между автохтонными языками региона. В научно-популярном историко-этнографическом очерке об азиатских эскимосах Г.А. Меновщиков кратко освещаются вопросы истории, общественного устройства эскимосов, которые находились в длительном и тесном контактах с чукчами [1].

«Проблема языковых контактов является в современном языкознании одной из сложных и интересных. При контактах различных народов (политических, торговых, культурных и т. д.) контактируют и их языковые системы. Это взаимодействие различных языковых систем наиболее отчетливо выступает при исследовании элементов различных ярусов языка, ставших в силу исторических и лингвистических причин общими для двух или более языков» [2, с. 369].

Непосредственным результатом взаимовлияния (взаимодействия) языков является заимствование. Под заимствованием принято понимать процесс проникновения элементов из одного языка в другой.¹

Определение термина «заимствование» в лингвистическом энциклопедическом словаре рассматривается как «...элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой».²

Эскимосский и чукотский языки на протяжении веков развивались в условиях интенсивного контактирования, что привело к формированию значительного пласта заимствованной лексики между ними. Исследование этих заимствований позволяет реконструировать историю межэтнических контактов и выявить направления культурного влияния.

Процесс лексического заимствования между эскимосским и чукотским языками носил взаимный характер, хотя интенсивность этого процесса варьировалась в разные исторические периоды. «В течение нескольких столетий язык азиатских эскимосов находился в контакте с несколькими языками: вначале был чукотский, в середине XIX века — английский (в его американском варианте), в начале XX столетия начались контакты с русскими» [3, с. 470].

В работе [4] подробно описаны 4 этапа языковых контактов азиатских эскимосов, в том числе первый, и самый длительный был первый этап контактирования с чукотским народом: «...азиатские эскимосы в течение многих столетий находились в непосредственном соседстве и тесных экономических и иных связях с наиболее многочисленной народностью в районе их поселений — чукчами. Это длительное соседство кочевников-оленьеводов и оседлых охотников на морского зверя явилось необходимой базой социально-культурных контактов и создало благоприятные условия для взаимодействия и взаимовлияния двух иносистемных языков.

¹ Головацкая Т.П. Функционирование иноязычных лексических заимствований в эскимосском языке (чаплинский диалект) (на материале текстов 1930–1960-х гг.): специальность 10.02.02 "Языки народов Российской Федерации": Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Санкт-Петербург, 2008. С. 28.

² Лингвистический энциклопедический словарь // Глав. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 158.

Наиболее ранний пласт заимствований относится в период с древнейших времен до XX века, так жизненно важное значение между чукотскими и эскимосскими племенами имел обмен продуктами и предметами хозяйственной деятельности. В это же время происходит обмен не только материальными ценностями, но и духовными, и культурными: совершение религиозных обрядов, совместные народные празднества, фольклор и т. д.» [4, с. 65–66].

В период активных торговых контактов между прибрежными эскимосскими и континентальными чукотскими группами в чукотский язык проникают эскимосские термины морского промысла, тогда как в эскимосские языки заимствуются чукотские слова, связанные с оленеводством.

Одной из причин лексических заимствований «...является стремление членов языковых коллективов преодолеть объективно существующие различия между взаимодействующими культурами: необходимость в обозначении новых предметов, лиц, местностей и понятий незнакомого бытия».³

Анализ заимствованной лексики позволяет выделить несколько тематических групп, отражающих направления культурного взаимодействия.

В чукотском языке наиболее заметны эскимосские заимствования: чукотское слово *кэмыгэт* ‘летние непромокаемые охотничьи мужские торбазы’ образовалось от эскимосского слова *камгык* ‘обувь’; слово *айван* ‘эскимос’ образовалось от эскимосского слова *айуа* ‘север’, слово *тэютээй* ‘соль’ образовалось от эскимосского слова *тагыю* со значениями: (1) ‘соль’; (2) ‘солёная (морская) вода’ и другие.

В обратном направлении шло заимствование чукотских терминов оленеводства в эскимосский язык. Такие слова, как обозначения частей упряжки или типов оленьих пастбищ, проникали в эскимосскую лексику по мере развития торговых связей. Например: слово *нйльвин* ‘стадо (оленьи)’ образовалось от чукотского *нэлыл* ‘табун, стадо оленей’, слово *тылынгуинана* ‘пила’ (инструмент) образовалось от чукотского *тынылвэна* (‘буквально: то, чем отпиливают рога олени’).

Особенно активно этот процесс происходил в зонах смешанных браков и совместных поселений. Сюда входят слова таких тематических групп, как продукты питания: слово *аймак* ‘туша убитого животного’ образовалось от чукотского слова *аймак*; слово *прара* ‘кушанье из измельченного оленьего мяса с жиром’ образовалось от чукотского слова *прэрэм*.

Тундровые животные: слово *ауырга* ‘пушной зверь’ образовалось от чукотского слова *авыргын* ‘тот, кто линяет’; слово *кайна* ‘бурый медведь’ образовалось от чукотского слова *кэйны* ‘бурый медведь’; слово *куйны* ‘олень’ образовалось от корякского языка *куяна* ‘олень’. Чукотский и корякский языки родственные, а эскимосский язык относится к эскимосско-алеутской языковой семье.

Показательно, что некоторые термины, связанные с сухопутной охотой, также перешли из чукотского в эскимосский язык: слово *уалгуягык* ‘охотничьи лыжи’ образовалось от чукотского слова *вэлыегыт* (‘буквально: вороны лапы’); слово *гитася* ‘мушка (на стволе ружья)’ образовалось от чукотского слова *гитэчын* ‘мушка (ружья, винтовки)’; слово *пагуиля* ‘приклад’ образовалось от чукотского слова *павэлгын* ‘приклад’ и другие.

Заимствовалась в эскимосский язык не только полнозначная лексика из чукотского языка, но и служебная (качественные наречия, модальные слова, частицы и союзы): слово

³ Головацкая Т.П. Функционирование иноязычных лексических заимствований в эскимосском языке (чаплинский диалект) (на материале текстов 1930–1960-х гг.): специальность 10.02.02 "Языки народов Российской Федерации". Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Санкт-Петербург, 2008. С. 39.

йықай ‘лучше бы’ заимствовано из чукотского йықэй и имеет несколько значений: (1) ‘разве, разве уже’; (2) ‘как, как уже’; слово лыган образовался от чукотского слова лыгэн с общим значением ‘пусть, ладно, хорошо’ и другие.

Заимствованные слова в обоих языках подвергались существенной адаптации к фонетическим нормам принимающего языка. В чукотском языке эскимосские заимствования приобретали характерное чукотское ударение и редуцировали непривычные фонемы. Например, эскимосский звук [с] часто заменялся на [ч] в чукотском языке. Аналогичные процессы наблюдались при переходе чукотских слов в эскимосские языки, где они адаптировались к агглютинативной морфологии и фонетической системе.

Заимствование из чукотского языка в эскимосский происходило за счет периферийных слоев лексики, а именно: качественных наречий, частиц и союзов. В язык азиатских эскимосов вошло более сотни слов из названных разрядов чукотского языка, которые адаптировались по фонеморфологическим нормам эскимосского и стали его неотъемлемой принадлежностью [5–7].

Заимствованная периферийная лексика оказала влияние на изменение структуры эскимосского глагола и предложения: качественные, модальные и другие признаки действия, выражавшиеся преимущественно синтаксическим способом, стали обозначаться синтетически-аналитическим или частично аналитическим способом [6].

Морфологическая адаптация включала присоединение соответствующих аффиксов и изменение словообразовательных моделей. Интересной особенностью является то, что некоторые заимствования сохраняли элементы исходной морфологии, создавая гибридные формы. Это особенно характерно для сложных терминов, где одна часть могла быть заимствованной, а другая — исконной. Такие образования часто встречаются в профессиональной лексике, связанной с обменом технологиями.

Процесс заимствования сопровождался семантическими сдвигами, когда слова приобретали новые значения в принимающем языке. Некоторые термины сужали свое значение, закрепляясь за конкретными понятиями. Например, эскимосское слово, обозначавшее в исходном языке любой тип жилища, в чукотском могло закрепиться только за зимним жильем. В других случаях происходило расширение значения или метафорический перенос, особенно при заимствовании абстрактных понятий.

Особый случай представляют кальки — буквальные переводы сложных слов или выражений. В чукотско-эскимосском языковом контакте такие образования встречаются преимущественно в области ритуальной лексики и мифологических понятий. Их изучение представляет особый интерес для реконструкции культурных взаимодействий, так как они отражают не просто перенос слова, но и перенос концепта.

В XX–XXI веках характер заимствований существенно изменился. На первый план вышли русские и английские заимствования, связанные с технологической модернизацией и глобализацией. Однако интересно отметить, что некоторые современные заимствования проходят через посредничество соседнего языка. Например, русское слово может сначала закрепиться в чукотском, а затем перейти в эскимосский с соответствующими фонетическими изменениями.

Автором ранее была предпринята попытка выявить орфографическую адаптацию заимствований в эскимосском языке из русского языка [9]. Таким образом, заимствования, проникшие в словарный состав эскимосского языка, как и всякие другие заимствования, преобразуются в грамматической структуре и своем орфографическом облике, подчиняясь внутренним законам эскимосского языка.

Важной особенностью современного периода является обратный процесс — сознательное внедрение исконной лексики в языковую практику как элемент культурного возрождения. В этом контексте некоторые старые заимствования, давно ассимилированные в языке, начинают восприниматься как «чужие» и заменяются неологизмами. «Под лексическими новообразованиями принято понимать» вновь созданные на материале родного языка, в полном соответствии с существующими в языке словообразовательными моделями (реже заимствованное) слово или словосочетание... Образование неологизмов в данном языке происходит морфологическим способом, путем присоединения к основе словообразовательных суффиксов: слово аклягаңльягвик ‘холодильник’ образовано от именной основы акляга ‘стужа’ и словообразовательных суффиксов -ңльяг со значением ‘делать, изготавливать’ и суффикса -вик со значением ‘место’...» [9, с. 550].

Изучение заимствованной лексики в чукотском и эскимосском языках сталкивается с рядом методологических сложностей. Основная проблема заключается в установлении направления заимствования, особенно для древних лексических совпадений. В отсутствие письменных памятников исследователи вынуждены опираться на косвенные признаки: фонетические соответствия, продуктивность корня в каждом из языков.

Другой существенной трудностью является дифференциация заимствований от общего генетического наследия. Некоторые схожие слова могут восходить к гипотетическому праязыку, а не быть результатом контактов. Особенно сложна эта проблема для базовой лексики, где процент возможных совпадений статистически выше. Современные методы сравнительно-исторического языкознания, включая компьютерное моделирование, позволяют частично решить эти вопросы, но многие случаи остаются дискуссионными.

Анализ заимствованной лексики выходит за рамки чисто лингвистического исследования, представляя значительный интерес для этнографии и культурной антропологии. Распределение заимствований по тематическим группам отражает направления культурного влияния и технологического обмена между народами. Например, наличие в чукотском языке эскимосских терминов, связанных с китобойным промыслом, свидетельствует о перенимании соответствующих технологий.

Интересный аспект представляет табуированная лексика и ее заимствование. В некоторых случаях наблюдается парадоксальная ситуация, когда слова, связанные с сакральными понятиями или обрядами, легче заимствуются, чем бытовая лексика. Это может объясняться особой значимостью соответствующих ритуалов в межплеменных контактах или потребностью в обозначении новых религиозных практик.

Дальнейшее изучение заимствованной лексики в чукотском и эскимосском языках перспективно в нескольких направлениях. Во-первых, это детальный анализ диалектных вариаций заимствований, который может пролить свет на исторические пути их распространения. Во-вторых, применение методов корпусной лингвистики для выявления частотности и сфер употребления заимствованных слов в современной речи. В-третьих, сравнительное исследование процессов заимствования в других языковых парах региона для выявления общих закономерностей. Особую ценность представляют полевые исследования в местах компактного проживания носителей языков, где еще сохранились традиционные формы языкового взаимодействия. Документирование устной речи пожилых информантов может выявить архаичные пласты заимствований, уже исчезнувшие из активного употребления. Совмещение лингвистических данных с этнографическими и археологическими позволяет построить более полную картину исторического развития языков региона. Сотрудниками института народов Севера РГПУ имени А.И. Герцена предпринята попытка разработки идеографического описания лексического состава некоторых языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [10].

Заключение

Заемствованная лексика в чукотском и эскимосском языках представляет собой сложную многослойную систему, отражающую многовековую историю культурных контактов. Ее изучение требует междисциплинарного подхода, сочетающего методы сравнительного языкознания, исторической лингвистики и культурной антропологии. Анализ заимствований не только расширяет наши знания о языковом развитии, но и способствует более глубокому пониманию истории взаимодействия народов Арктического региона. Сохранение и документация этой лексики приобретает особую актуальность в условиях глобализации и угрозы исчезновения многих языков коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меновщиков Г.А. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1965. 147 с.
2. Головацкая Т. П. Русские лексические заимствования в эскимосской учебной и художественной литературе 1930–1960 гг. / Головацкая Т. П. // Реальность этноса. Образование и этническая безопасность: сборник статей по материалам XIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2011 года. — Санкт-Петербург, 2011. — С. 369–373.
3. Головацкая Т. П. Особенности интерференции эскимосского и русского языков в период с 1930–1960 г. / Головацкая Т. П. // Реальность этноса. Образование и этносоциализация молодежи в современной России: сб. ст. по материалам XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 215-летию Герцен. ун-та, С.-Петербург, 16–18 мая 2012 г. — СПб., 2012. — С. 470–472.
4. Головацкая Т.П. Лингво-культурное контактирование как социально-исторический контекст развития лексической системы эскимосского языка // Языки и духовная культура народов циркумполярной Арктики. сборник материалов и научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения Василия Афанасьевича Роббека. Сер. "Североведческие исследования" Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт народов Севера. Санкт-Петербург, 2008. С. 65–74.
5. Меновщиков Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Часть 1 М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР (Ленинград. отд-ние), 1962. 300 с.; Часть 2. М.-Л.: Наука, 1967. 288 с.
6. Меновщиков Г.А. Некоторые типы языковых контактов у аборигенов Крайнего Северо-Востока Сибири. М., 1970. 11 с.
7. Меновщиков Г.А. Эскимосско-чукотский билингвизм и интерференция чукотской периферийной лексики в эскимосском языке. // Сб. науч. трудов «Палеоазиатские языки» ИЯ АН СССР. Л.: Наука, 1986. С.63–76.
8. Головацкая Т.П. Орфографическая адаптация русских заимствований в эскимосском языке (на материале художественных и учебных текстов в 1930–1960-х гг.) / Головацкая Т.П. // Реальность этноса. Педагогическое образование как важнейший фактор сохранения и развития культуры северных народов: сб. ст. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 210-летию РГПУ имени А.И. Герцена, С.-Петербург, 27–29 марта 2007 г. — СПб., 2007. — С. 211–213.

9. Головацкая Т.П. К вопросу образования неологизмов в эскимосском языке (на материале учебных текстов 1930–1960 гг.) / Головацкая Т.П. // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., С.-Петербург, 4–7 апр. 2006 г. — СПб., 2006. — С. 550–555.
10. Мызников С.А. Системное изучение лексики языков народов Севера в контексте этноязыковых контактов / С.А. Мызников, Т.С. Назмутдинова // Севернорусские говоры. — 2023. — № 22. — С. 46–66. — DOI 10.30842/01348515202303. — EDN AVLIZD.

Golovatskaya Taisya Pavlovna

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: goltaya@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8183-1671>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=626205

Chukchi loanwords in the Eskimo language: sources, mechanisms and consequences

Abstract. The article contains an analysis of Chukchi loanwords in the language of the Asian Eskimos. The phenomenon of interference, understood as the process of mutual influence of languages in the context of contact, is of particular interest in the study of Paleoasiatic languages. These languages, united by geographical rather than genetic principles, have developed under conditions of intensive interlanguage interaction for many centuries. This group includes the Chukchi-Kamchatkan languages (Chukchi, Koryak, Kerek, and Itelmen), the Eskimo-Aleut languages (Eskimo, Aleut), the Nivkh language, the Yukaghir languages, and the Ainu language in its historical range.

In the process of language contacts, various types of interference are observed, which can be classified into the following areas: phonetic interference, which manifests itself in the adaptation of the sound systems of the contacting languages; lexical interference is the most noticeable consequence of language contacts; grammatical interference.

The paper examines the lexical interference of Chukchi-Eskimo language contacts, as well as sources and a multiple chronology of borrowings, lists some thematic groups, describes the features of phonetic and morphological adaptation, reflects the methodological problems of the study and presents the prospects for further research.

The study of lexical borrowings in the Eskimo and Chukchi languages is of considerable interest both for theoretical linguistics and for area studies. The analysis of various types of linguistic influence makes it possible to reconstruct the history of interethnic contacts on the territory of the Chukchi Peninsula and identify universal mechanisms of linguistic interaction. A promising area of research is the comprehensive study of interference processes, taking into account both linguistic and socio-cultural factors.

Keywords: language contacts; interference; lexical borrowings; Paleo-Asiatic languages; Chukchi language; and Eskimo language